

Светлана Цветкова

Свидетельство об опыте

Из жизни неидеального
психолога

Светлана Александровна Цветкова
Свидетельство об опыте. Из
жизни неидеального психолога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40522380

ISBN 9785449626608

Аннотация

Попытка осмыслить и не разрушиться, живя с самыми близкими. А также мужество быть уязвимым. В книгу включены психологические эссе, размышления о внутреннем становлении и изменении личности. Задумывалась как доверительный разговор с близкими по духу людьми.

Содержание

Убежище	5
Холостой выстрел	17
Путь Анны Карениной к самоубийству что ее влекло и кто мог остановить	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Свидетельство об опыте Из жизни неидеального психолога

Светлана Александровна
Цветкова

© Светлана Александровна Цветкова, 2019

ISBN 978-5-4496-2660-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Мой отец сошел с ума от невысказанной боли..»

Трофим

В книгу включены психологические эссе, размышления о внутреннем становлении и изменении личности. Задумывалась как доверительный разговор с близкими по духу людьми.

Убежище

Посвящается моей маме Лидии Григорьевне.

Ветер дул со всех сторон. Срывал с верхушек стальных волн кусочки бархатной пены, разлетался в воздухе рваными кусками, таял, пропадал, возрождался вновь с бесконечным повторением.

Белоснежная колонна маяка, оставшаяся с прошлого века, хранила отпечатки любопытствующих глаз, ладоней и стоп. Венчала путеводитель судов округлая башенка с зеркальным отражателем, как огромный глаз хищной чайки. Набережная резко обрывалась в сторону моря, открывая обнаженные пласты песчаника. Бесстыдного в своей уязвимости перед натиском моря.

Бесцветные рабы солнечного света тонкие и хилые стебли на обрыве. Приникали к иссушенной ветрами земле и как беспомощные червяки взирали слепыми глазами.

Солнце огромным нарциссом расцвело на серой поляне неба.

У некоторых людей частица души заморожена. Виновата ли в этом Снежная королева или ее подручные тролли – мы остаемся в неведении. Возможно, уязвимость бывает непереносима настолько, что воспоминания аккуратно и педантично начинают замораживаться кубиками льда.

Этих кубиков у Нелли был целый склад. Сваленные, небросанные, без всякой логистики лежали на случайных местах и образовывали привычный хаос. Он прорастал в жизнь естественно и органично. Внешний мир с присущим порядком, правилами, обязательствами был чуждым для раздавшейся вширь женщины пятидесяти лет.

Беспокойно семенила пальцами по вылинявшему фартуку, бывшим когда-то нарядным пиджаком. Рукава пиджака не завязывались сзади жалкой спины. Пришлось их надставить, привязывая длинные куски ткани. Руки требовали работы. На прабабушкиной перине, бесстыдно оголившей свое нутро из гусяного пера, лежала тюль с беспомощно вышитыми крестиками. Коричневыми крестиками на белоснежной тюли.

На этом же куске занавеске была надставлена вязанная полоска зеленоватой пряжи. Обрывалась на половине с четвертью, как дирижер в экстазе взмахнув палочкой, забыл куда теперь двигаться. И оркестр остался без дирижера.

Руки томились, они требовали творчества. Но не способные ни к спицам, ни к крючку, оставляли стежок за стежком.

Бордовый красавец петух с гусарским хвостом залихватски расхаживал по двору, собирая под свое покровительство трех курочек. Курочки терялись под ошеломительной красотой предводителя. Светло грязные перышки покрытые пеплом из печки Нелли не выиграли конкурс самых породистых птиц. Но сажа спасала от куриных вшей. И неслись они из-

рядно. Двух яичек в день для одинокой женщины было достаточно. Выражая признательность каждое утро кормила мелким просо и оставшимися от овощей очистками.

С петушиным криком в голову вкралась какая-то мысль. Она свербела и не давала сосредоточиться на стежках. «Ах, да, забор, нужно достроить забор»...

Птичье семейство заходило на территорию соседки. И та грозила в который раз эту надоедливую помеху извести всеми способами.

Отложив шитье, Нелли встала и подошла к окну. «надо идти, надо...»

Во дворе зачерпнув лопатой землю, развела кружкой воды и стала класть камень на камень. Обмакивая в коричневатую жижу и прикладывая. Обмакивая и надставляя вновь и вновь. Неровная линия чем то напоминала коричневые стежки. В них была какая то сила. Упорство и упрямство. Перестать что то делать сродни перестать жить. Остановиться было нельзя. Разрушилось бы то единственное, что держало Нелли здесь.

Весна. Тополь растопырил стволы по сторонам света. Стволов было четыре, как и сторон. Кору, цвета непросохшего бетона разрывали рождавшиеся изнутри пятна. Тяжело дыша женщина задержалась у дерева, скользя ладонью по шероховатой поверхности. «Аномалия растительного мира и аномалия человеческого – то что нас объединяет» – кривая улыбка повисла недосказанным полумесяцем.

Дорога на море занимала времени меньше чем на приготовление обеда. Выщербленные от времени и расколовшиеся от непрерывной чреды отдыхающих плитки, вразнобой стыдливо ютились в песке. В самом начале весны под резко серым блистающим небом хотелось отложить встречу с морем, отдохнуть, отсрочить. Единственная деревянная без спинки скамейка. Облезлая голубая краска стыдила небо за отсутствие лазури. Глаза прикрывались, сон манил. Избыток тихого окружения начинал раздражать. Притаившееся внутри беспокойство, ртутными шариками перетекало от горла к пупку.

Осталось совсем немного. Море так близко. Там, за светло-желтой горой барханов. Недовольство собой, недовольство на себя. Нет сил встать. Шум огромного ворочающего живого зовет. Зовет и манит.

Тело благодарно охнуло, распластавшись на обветренных досках. Но почему так больно глазам? Небо пронзительно-го бетона давило сквозь веки. Странно, солнца нет, а блеск растекается, отражаясь от серой плитки, посеребривших стволов и прячась в хлипкой зелени поляны. Выцветшие, беледые колоски прошлого года поймав ветерок изредка вздрагивая отзывались на хаосу внутри Нелли.

Плети длинными треугольными иглами цеплялись друг за друга образовали подобие убежища. Недоступное убежище из дикой ежевики.

Нелли задумалась о возможностях отгородиться от всех.

Соседок, людей, прохожих.

Вырывая с корнем неподатливые одревеневшие стебли из земли, рвала кожу на руках. Колючки по хозяйски впивались в тело. Позволяли ощущать его через боль.

Море было совсем рядом. Стоило только перейти барханы. И оно пахло, бросилось бы в глаза, расстелилось у ног.

Натянув на израненные руки куртку. Женщина обхватила поудобнее кучу обнаженных корней с отростками и шипами. И повернула в сторону дома.

Обрушение мира

Ночью слушала Рея Бредбери «вино из одуванчиков». Лил дождь. Капли по гномьи непрестанно стучали крошечными молоточками по оконному откосу. Комната пропахла книгами и сыростью. Разнообразные прямоугольники лежали на стеллажах, прятались в полке с одеждой, на подоконнике, стыдливо выглядывали из-под кровати и на компьютерном столе, с давно не работающим компьютером. Нет времени. Жизнь убыстрилась, темп бешенный... так и стоит покрываясь пылью, забытый и громоздкий аксессуар вросший в интерьер комнаты. Нет времени, нет времени... выбиваются бессмысленные слова. Привычные и совершенно бессмысленные слова. В них нет наполненности, нет жизни... слова которых нет.

Когда останавливаешься и смотришь вокруг, то позволяешь всему миру показаться тебе. Останавливаешься и ото-

двигаешь рукой привычное стекло, стоящее между миром и собой.

Хочется позволить миру обрушиться на себя.

И мир хлынул громоздкими бесформенными кучами досок от поддонов, лежащими во дворе. Заготовленные для постройки ажурной беседки, предположительно белого цвета. Длинные, рубленые на куски, с гвоздями и без, новые и пролежавшие долгое время под вездесущим дождем. Дворовая инсталляция «склад невоплощенных мечт».

Позавчера лежал снег.

А сегодня солнце грело, и сулило возможные перемены. Примятая трава открывала свое сокровище – первый одуванчик.

Приходя в терапию за излечением от внутренней боли творческий клиент одновременно излечивается от источника вдохновения, от собственного творчества от новых идей.

Как помочь человеку преобразовать внутреннюю тоску находясь вместе с ним?

Бережно.

Рассеянный свет сквозил множеством мелких острых иголок и впивался в закрытые веки, оберегавшие глаза от пронзительного света.

Серебристый листок тополя, рассыпается прошлогодней хрупкостью.

На скелет подобных, влажно-черных ветвях с еще не набухшими почками сидела птаха. Сероватый и невзрачный

певец, был неотличим от дерева. К стыду своему не помню ее рода, звания. Хотя регулярно слышу залихватское пение, пробуждающее некое стремление к обновлению.

Первая зелень, с завидным постоянством покрывает черные пустоты земли. Еще далеко до того времени, когда буйная, не знающая границ зелень начнет преобладать и забирать полезные вещества, воду и солнечный свет у посаженных рукою человека растений.

Поверхность земли уже переполнена влагой и выталкивает ее из себя в виде гигантских уродливых луж.

На следующий день одуванчики распространились на треть поляны, по-хозяйски растопырив острые пушистые лучи.

Жизнь мгновенно заявила о себе, стоило прийти нужному мгновению.

Семена долго покоятся внутри уютного чрева земли.

Человек хранит идеи как семена. Приходит время, и они прорастают. Несмотря на неуверенность, кажущуюся ненужность и внутреннего критика.

Одиночество.

Человек, осознающий свое одиночество теряет надежду на возвращение в лоно беззаботности.

Потребность в любящем, дарящем заботу мире, таится в глубине нашего естества. Люди несут с собой это одиночество и тоску по несбывшемуся раю. Если происходит призна-

ние и смирение с нашим тотальным, от всех отличающемся миром – мы взрослеем. В принятии нет претензий, надрыва – остается только боль. С течением времени, окутывается слоями действий. Действий, направленных вовне, в мир, к тем, кто нуждается в помощи. И с каждым таким шагом, плотный слой окутывает нашу боль, как моллюск, оберегая свое естество, укутывает червячка попавшего в раковину. И постепенно слой за слоем вырастает редкое и прекрасное творение – жемчуг. У людей – рождается творчество. Проявление себя в мире.

У Рея Бредбери есть произведение об ускоренном времени, о том, что раньше рекламные щиты были маленькие, сейчас они достигают несколько миль, чтобы их можно было прочесть из мчащегося автомобиля.

Порой необходимо побыть одному, и в этой внимательной чуткости услышать себя. Остановка во времени, в пространстве, в отношениях. Фон окружающей жизни, бурлящей, куда-то стремящейся, вовлекающей в водоворот псевдо-важных событий уводит человека от самого себя. Кажется, что ты непременно потеряешь, что то важное, если не поедешь на еще один семинар, не встретишься с большим количеством людей... один очень близкий для меня человек сказал: «у меня есть круг близких друзей и количество их ограничено, у меня нет желания гнаться за новыми знакомствами». Это о достаточности и наполненности круга общения. Очень хорошее слово – ДОСТАТОЧНОСТЬ, в нем есть и точность,

и определенное количество. Точное соответствие собственному внутреннему миру.

Я, признаюсь, имею это свойство, бежать, бояться, что мне чего-то не хватит, как выросшая в эпоху дефицита. Для чего я бегу? Кому от этого бега лучше? Ни мне, ни моей семье, ни моему окружению счастья это не приносит. Только надежда что когда то...

«Вино из одуванчиков» американского фантаста ассоциировалось с пойманным и закупоренным в бутылку летом, и, откупоривая бутылку с воспоминаниями, переносишься в те мгновенья безудержной полноты жизни.

Есть ли в нашей жизни такие моменты, которые мы бы могли закупорить в бутылку бережно хранимых воспоминаний?

Вглядываясь в немногие янтарные капли, вижу бабушкин двор и старое яблоневое дерево, «белый налив».

Сейчас уже такие сорта не сажают, я даже не знаю почему. Зубы впивались в сладковато медовую мякоть, и ощущали струящийся по обеим сторонам рта липкий яблочный сок.

В мае, на причудливо иссохшую кору старого дерева, одевали специальный пояс для затруднения доступа муравьям. На ветках в хаотичном порядке болтались консервные банки с неизвестным содержимым. Туда сползались и слетались все ползающие и летающие. На два метра в диаметре дедушка каждую весну вскапывал прикорневую зону. Сермяжный терпкий дух обнимал плотным облаком обитателей нашего

дома. Благодарная яблоня каждый год давала обильный урожай, на радость мне, бабушке, соседям, корове Буренке и десятку белых кур во главе их пернатым предводителем.

Цвела яблоня неопишимо. Огромное светло розовое облако привлекало взгляд и прохожих и пролетающих мимо существ. Люди вдыхали, задумчиво улыбались. Пчелы же неистово неслись с соседних полей именно к нам, чем заставляли старого пасечника, благодушно улыбаясь сквозь седые усы, балагурить о яблочном меде.

Двойные двери веранды, дедушка Григорий Федорович сделал для беспрепятственного несения собственного гроба. И хотя дом строился за 40 лет до его ухода в иной мир, момент достойной кончины заботил его уже тогда. Двери отличались от других домов в деревне, как и огромные окна, поделенные на множество квадратиков, имевшие сходство с пчелиными сотами.

Огромное цветущее и необъятное чудо притягивало и манило. С позволения бабушки под ним ставилась железная кровать с пружинной сеткой как оплот твердости и незыблемости. Стелилась перина набитая пером домашних уток. Оставалось дожидаться вечера, погрузиться в пуховые объятия и смотреть сквозь полупрозрачные лепестки на звезды. Я тонула в перине, в яблоневом цвету и звездах. И хотелось все глубже и глубже погрузиться в него, как кролику в норе пробраться в пространство зазеркалья.

Как через подзорную трубу, безмерно далеко и вверх тор-

машками бежит деревенская дорога, усыпанная мелким гравием, отскакивающим от редко проезжающих машин. Две одноклассницы провожающие друг друга домой после школы уже в третий раз как вагончики по детской железной дороге, не заезжая в депо, наслаждались самим ощущением единомыслия.

В этих воспоминаниях отсутствовала стена между человеком и природой. Погруженность в доверие. Неторопливость и смакование внутреннего благородства.

Моменты полной неторопливости были с теми, кому можно доверять безоглядно.

Воспоминания можно открыть и вдохнуть терпкость мгновения. Попробовать медовую каплю прошлого и расцвести, привлекая жужжащих и мохнатых насекомых.

В интернет пространстве, зацепился взгляд за одного психолога и тренера. На первый взгляд преподносился качественный материал. Цитировался мой любимый Виктор Франкл, с книгой «скажи жизни да». Как быть человеком в нечеловеческих условиях. Переходу из унылыша в лучезарную женщину посвящалось значительное время. Яркие красочные метафоры и экспрессивная, живая подача информации завораживала меня как мотылька вечерняя керосиновая лампа в сумерках сада. Что-то происходило со мной как с заблудившимся в тумане ежиком. Туман пронизал сознание, плывал матовыми волнами по дому, как заблудившийся котенок, тыкался в поисках молока.

Когда моей старшей дочери было 7 лет, она занималась фортепиано. Ко мне попала информация, что гениальность это 10000 часов упражнений. Будь то музыкант, или бегун, или конькобежец – род занятий не важен. Главное – 10000 часов. Ответ на все вопросы человечества. Хочешь стать гением – стань им. Почему то моя дочь отказывалась становиться гениальной по такой методике.

Механистическое выполнение дает результат. Но отвергает и не учитывает Личность. Я, попытавшись из унылыша превратиться в лучезарную женщину, почему то погрузилась в английский сплин. Морозящий дождливый переход от зимы к весне был благоприятной почвой для хандры.

В пустоте откроешь бутылочку с воспоминаниями и смакуешь как гурман переливы вкуса...

Остановишься, выйдешь на свой путь, сразишься с внутренними драконами, примеривая на себя роль Георгия Победоносца, или приручишь их.

Мне ближе второй путь. Разобрать во дворе доски и посадить розы. Розы функционально – бесполезны, но наполняют нас жизнью. Нас наполняет неспешное следование природным законам. Оживаем от осознания внутреннего одиночества. Оно является условием превращения наших действий в жемчужину внутри нас раз за разом растущую и приобретающую все большую ценность.

Холостой выстрел

Жил был один Сказочник. Он был очень одинок. Жена давно умерла. Единственная дочка уехала в дальнюю страну с обжигающе жарким солнцем и пьянящим ароматом вызывающе красивых цветов. Он жил мечтой о встрече и копил деньги для путешествия.

Родной город, одетый в гранит и туман Сказочник наблюдал через залитые нудными дождями полукруглые мансардные, обрамленные витыми решетками окна. Память слабела. Уже как сквозь тусклое стекло вспоминалось дорогое лицо. Но образ родного человека приобретал все больше ясности и теплоты. Первые спотыкающиеся шаги, первая улыбка еще не слушающихся младенческих губ согревала старческое сердце. Сколько ему было лет, он уже и сам не помнил. Так как время бежало иначе, оно даже не бежало, оно существовало в бое часов с добродушным привидением. Чей маятник остановился уже давно.

Иногда задумавшись, он отражал слабые солнечные лучи северной столицы. И можно было увидеть щеку, покрытую, словно опадающими чешуйками воска. Мягкие морщины переходили в ветреную снежность волос. Ушные раковины, налитые рассказами о морских странствиях, образовали длинные мочки магистра мальтийского ордена.

Был он завсегдай блошиных рынков, букинистических

магазинов, странных закоулков, куда старались не заглядывать добропорядочные горожане. Там он оставлял большую часть своих доходов. Израненные ширмы с тростниковыми вставками, заморские птицы на вышитых гладью пагодах. Авторские куклы из прошлого, причудливые существа с крыльями из мягкой шерсти и головой животного. Кованые сундуки, медная лампа для джина. Костюмерная достойная театра. Сколько лет он это собирал – уже и сам не помнил.

Времена серебряного века миновали. Но казалось дух поэзии жил в этих стенах. У сказочника была мечта, основать прибежище для творческого пространства, для сказки. Но он был очень и очень стар. Посетителей бывавших в его мастерской, если поставить в один ряд, друг за другом, прошло около ста тысяч. И не нашлось преемника.

Вот и сейчас приехала группа из знойного юга. Человек 15, шумных, говорливых, заполонивших сакральное пространство готовых брать и брать жизнелюбцев. Сказочник отдал все, что у него было, время своей жизни, историю своего сердца, понимание и приятие, помощь в преображении, и чуткость, бережность к гению внутри каждого. Истощенный, сидя в дубовом кресле позапрошлого столетия, время от времени проваливался в инобытийное пространство. Группа молчала. Она взяла все, но ничего не дала в ответ. Повисла тишина...

– холостой выстрел, – привычно сказал магистр.

Путь Анны Карениной к самоубийству что ее влекло и кто мог остановить

Эпиграф к роману «Мне отмщение и Аз воздам». Тезисно освещает содержание романа и предупреждает, что происходит при нарушении духовных законов. В настоящей работе исследуя жизнь Анны Карениной и все происходящие с ней события, я буду опираться на экзистенциально – феноменологическое понимание переживаний, описанное английским психиатром Рональдом Лейнгом. В частности будет подробно освещаться концепции «узла» и «системы фантазии». А также такие формы межличностного взаимодействия как комплиментарная идентичность, подтверждение и неподтверждение, негласная договоренность и без выигрышная позиция.

Лев Николаевич Толстой благодаря своему таланту, подводит читателя к главной героине постепенно. Приоткрывая жизнь, мысли, надежды устремления ближайшего окружения Анны. Мы также не будем спешить, и пойдем вслед за Л. Н. Толстым.

Вначале показан брат Степан Аркадьевич Облонский

в трудной для него ситуации, через которую нам видны его допущения и способ реагирования на конфликт.

– Да! Она не простит, и не может простить. И всего ужасней то, что виной я, а не виноват, в этом вся драма.

– Всему виной, эта глупая улыбка, ну что же делать, что же делать, – говорил с отчаяньем он и не находил ответа.

«Кроме общего ответа, который дает жизнь в самые сложные и неразрешимые вопросы. Ответ этот... надо жить потребностями дня, то есть забыться... Забыться сном уже нельзя... стало быть нужно забыться сном жизни. Там видно будет».

В вышеприведенных цитатах можно увидеть способы взаимодействия Облонского с реальностью. Про – является механизм уклонения от совершенного действия, который ставит Стива в безвыигрышную позицию, (виной я, а не виноват, в этом вся драма). Выйти из этой ситуации не представляется возможным для Степана Аркадьевича, ибо это означало бы принятие своей вины, и действия которые должны будут произойти после принятия решения. Что является слишком обременительным для него, любящего удовольствия и комфорт, которым пришлось бы поступиться, нарушить безмятежность. Обычный маневр – уклонение. Способ выйти из конфликта без принятия решения.

Более внимательный взгляд на Стиву, связан с родственным статусом последнего. Часто в семейной структуре заложен похожий способ межличностного взаимодействия, и механизм совладания с тяжелыми жизненными ситуациями.

Разговор Анны с Долли при прощании повторяет тот же паттерн.

– Ты знаешь, отчего Китти не приехала обедать? Она ревнует ко мне. Я испортила... я была причиной того, что этот бал был для нее мучением, а не радостью. Но право, право, я не виновата, или виновата немножко.

На девятнадцати первых страницах до появления Анны, все основные завязки романа свершились. Показан «узел», основные предписания и атрибуты, царящие в данном обществе. Если исходить из самого понимания «узла» Лейнга, каждый член которого не является автономной единицей, а имеет единую душу. Некто, устанавливающий и блюдуший правила, отторгал мятежников, после чего перешедшие в разряд изгоев погибали.

Правила высшего света. Это негласная договоренность. Тайнственный некто диктующий правила и законы – высший свет.

Первый путь Анны к самоубийству это путь изгоя, решившего идти против правил света, но не обретшую собственную индивидуальную душу. В этом случае спасением было бы обретение собственной души, и смелость жить по другим законам, но это очень трудное поприще. Второй вариант – если бы одобрение на свободное сожителство дало бы светское общество и его яркие представители. Как таковой Вронский был не слишком значим, в роли спасителя. Ему это не по силам.

Второй путь анны к самоубийству можно соотнести с православным трактованием вовлечения в грех.

- прилог
- сочетание
- сложение
- пленение
- страсть

«Лицо Анны было особенно ласково и нежное, серые глаза смотрели внимательно, дружелюбно, будто она признавала его».

«Странное чувство: удовольствие и страха шевельнулось в сердце..»

«Его лицо было испуганным и пристыженным»

«Они чувствовали себя наедине в этой полной зале»

«На лице Вронского было выражение потерянности и покорности похоже на выражение умной собаки, когда она виновата».

«Всякое слово в разговоре с ней приобретало особое значение»

Путь выхода из этого омута – путь духовного трезвления, что Анне тоже не по силам.

Весь текст пронизан двойными посланиями. Уклонение – когда Анна притворяется что не влюблена, потом притворяется что перестала притворяться что влюблена, и вроде бы возвращается в первоначальную точку. Которая разделена тонкой, но непреодолимой стеной. Чем больше уклонений, тем больше путаницы, спираль, уходящая в бесконечность.

«Выход наружу через дверь, почему никто не пользуется

этим способом?» Конфуций

«Выходя в окно, дверь можно не закрывать» А. Алексеевич

Соответственно выход через признание себе в первую очередь, потом смелость признаться другим. Таким человеком в окружении Карениной был Левин и Китти. Тот, кто мог бы показать путь, пример. И самое интересное то, что Анна предала Китти, через нее она могла бы и спастись.

С другой стороны именно благодаря предательству Анны, Китти получила возможность выйти на другой уровень. И она воспользовалась им.

Можно увидеть третий путь – социальный. Сужение круга социальных контактов. Как постепенно от нее отворачивались значимые люди. Оставляя ее в том полном отчаянье, по Кьеркегору, которое не понимает где находится.

Толстой гениально описывает состояние Анны в последние недели перед самоубийством. Полифония модальностей сна, фантазии, опыта, воспоминаний. Культивирование жалости к себе. Нагнетание, нет времени вздохнуть, остановиться. Победа даже страшной ценой: «Я так близка к ужасному несчастью и боюсь себя». «Но зная, что губит себя, не могла сдержаться, не могла покориться ему».

У меня возникает ощущение, что Анна провоцирует Вронского, выводит на одну ей нужную эмоцию, благодаря которой она успокоится и сделает то, что задумала. Прибли-

жение конца. Анна находится полностью в фантазии, так как находящийся в фантазии человек не воспринимает то, что находится в фантазии. Лишь благодаря части не входящей в фантазию, можно было понять где находишься.

«Он ненавидит меня, это ясно. Я хочу любви, а ее нет. Стало быть все кончено». «Одна мысль не оставляла ее, которая все разрешала. Да, умереть».

Переходы от мыслей о смерти, до невообразимой нежности и полного примирения. Раскачивание качелей. Эмоций требуется все больше, накал должен быть сильнее. Подозрительность. Анна была в сомнениях все ли кончено или еще возможно примирение. Состояние особого разобщения, в котором человек не способен увидеть реальную сторону вопроса. Нет точки опоры, т. к. чтобы понять позицию которую занимает человек в мире, нужно знать ощущение изначального положения в мире, с которым происходило его становления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.